

Северодвинская эколого-краеведческая организация
«БУДУЩЕЕ ПОМОРЬЯ»
Культурно-просветительский проект
«СЕВЕРОДВИНСКИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ»

НОВОДВИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ
24-25 июня 1701 года:

ГЕРОИ И МИФЫ

(из истории Малой Родины)
/посвящается 75-летию Молотовска-Северодвинска/

ЗАГАДКИ НОВОДВИНСКОГО СРАЖЕНИЯ.

Много тайн и загадок хранит русский Север. Новодвинская крепость¹, стены которой до сих пор напоминают нам о нелегкой жизни и борьбе наших предков-северян, многое могли бы рассказать нам, если б умели говорить... Заставить их заговорить – сегодня наша задача. И сделать это вполне возможно - достаточно сопоставить факты и мифы, сравнить различные источники, описывающие одно и то же событие с разных позиций, и заговорят с нами молчаливые свидетели тех лет – двинские берега и стены старинной крепости...

**Гравюра из книги Корнелиуса де Брюйона, Амстердам, 1711 год.
Вид Новодвинской крепости с Двины.**

Земля Поморская в конце XVI – начале XVIII веков превратилась в самый экономически активный регион Московского государства. После завоевания Ермаком Сибирского ханства из-за Урала через Соль Вычегодскую хлынул поток пушнины. Десятки тысяч драгоценных шкурок соболей, лис, песцов, куниц, сотни тысяч шкурок белки, колонка, горносталя – все это богатство можно было вывезти за границу только через Архангельск. Благодаря обилию «мягкого золота» появились и расцвели далеко на севере новые города – Пустозерск, Мангазея златокипящая, от которых сегодня, к сожалению, не осталось и следа.

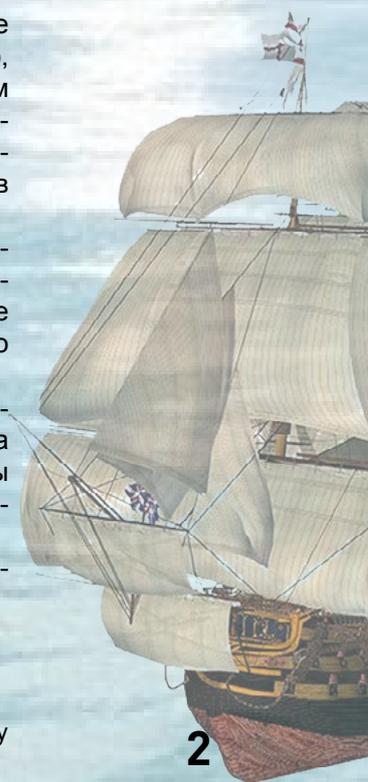
После завоевания Сибири для поморов открылась дорога далеко на восток, «встречь солнцу», и десятки поморских людей устремились на поиски новых промысловых угодий – за «рыбьим зубом» и «мягкой рухлядью». Так уж получилось, что именно в этот период на поморской земле как в центре сошлись все основные экономические интересы как Московского государства, так и его иностранных торговых партнеров. Из-за Урала в Поморье шел поток пушнины, из Европы – редкие заморские товары, предметы роскоши и серебро, из центральной России – направляемое через Архангельск на экспорт зерно. Огромным спросом пользовались и местные, северные, товары – семга, деготь, смола, ворвань, речной жемчуг, шкуры животных, соль, слюда для окон, которые охотно покупались как иностранными, так и местными купцами. О масштабах торговли говорит такой факт: только в одном из районов Холмогор, на Глиннике, находилось до 400 торговых лавок и лабазов.

Отсутствие на севере крепостного права, помещичьих землевладений, развитая система местного самоуправления, высокий уровень грамотности населения, обусловленный широким распространением монастырской (церковной) учености, развитые торговые связи с Европой – все это создавало благоприятные предпосылки для экономического процветания Поморья.

Именно богатства Севера помогли изгнать врагов с русской земли. Сокровища Соловецкого монастыря пошли на снаряжение войск Скопина-Шуйского и ополченцев Минина и Пожарского. Серебро из соловецкой монастырской казны помогло выбросить отряды польского королевича Владислава Сигизмундовича из Кремля и восстановить русскую государственность.

Даже когда во времена Алексея Михайловича по городам России прокатился знамени-

¹ Новодвинская крепость (1701 – 1862) – крепость построена по приказу Петра I в 1701 – 1705 г.г. на реке малой Двинке при входе из Белого моря в Северную Двину для защиты Архангельска от шведов. Была вооружена 180 пушками и имела форму квадрата с четырьмя бастионами по углам (Морской, Флажный, Рогаточный, Могильный). Высота стен до 6 метров. Со стороны реки располагались Двинские ворота, с севера – Морские, с юга – Полуденные. Крепость упразднена в 1862 году после закрытия Архангельского военного порта.

тый Соляной бунт, северяне на своих соляных варницах продолжали работать, и богатство их прирастало пропорционально их труду. А трудиться северяне всегда умели!

Период с 1580 по 1680 годы – самый благодатный в истории развития поморского субэтноса, именно тогда возникли все условия для его расцвета. Почти в 200х местах на побережье Белого моря располагались крестьянские верфи, на которых строились малые и большие лоды, кочи, карбасы. Где еще на всей Руси Великой простой крестьянин на свои деньги мог построить и снарядить себе корабль и отправиться на нем «со товарищи» на полгода на океанский промысел! Или остаться в промысловом становище на зимовку и вернуться домой через несколько лет отсутствия? Или сплавить «к соседям» в Норвегию и выгодно продать там свой улов?

Такое могли себе позволить только люди обеспеченные, инициативные и предприимчивые, которые много знают и многое умеют!

Так уж получилось, что в истории Российского государства Поморский Север играл особую роль.

В 1583 году Россия проиграла длившуюся 25 лет Ливонскую войну, выход в Балтику был потерян, Черное море безраздельно принадлежало туркам.

Для торговли с Европой в 1584 году срочно пришлось закладывать Архангельск – единственный обходной путь на Запад. На протяжении почти двух столетий Архангельск был ключевым пунктом, через который в Россию вливался из Западной Европы нескончаемый серебряный поток. У России тогда не было своих серебряных рудников, и серебро приходилось ввозить из-за границы.

Иноземные купцы привозили из Европы талеры («ефимки») для закупки русских товаров. Для того, чтобы обеспечить монетные дворы сырьем для чеканки денег, российская казна предпринимала активные действия для продажи через Архангельск за рубеж хлеба в обмен на монетное серебро.

В Архангельск морем из Европы доставлялось огромное количество серебряных талеров для перечеканки в русскую монету. Объемы торговых сделок впечатляют. Запись переговоров шведского посла Ф.Шединга о закупке хлеба в Русском государстве от 27 июня 1634 года содержит следующую информацию: «... у приказчика у Ягана Меллера взято у Архангельского города 76.398 ефимков (это более 2,2 тонн серебра) ... в Архангельске довелось за рожь взять 50.773 ефимка...».

Появляясь в записях и имена русских купцов – «олигархов» XVII века: «... у Елисея Ульянова взято 41.599 ефимков с полуефимками крестовых и любских; да в том же году у Елисея ж взято у Архангельского города 21.000 ефимков крестовых и любских. И взято всего и зачтено ефимками 64.553 ефимками с полуефимками против отдачи сполна».

Для сравнения: среди шведского товара, привезенного в это время в Новгород, было заявлено только 1050 ефимков любских, на которые шведы закупали местное сырье.

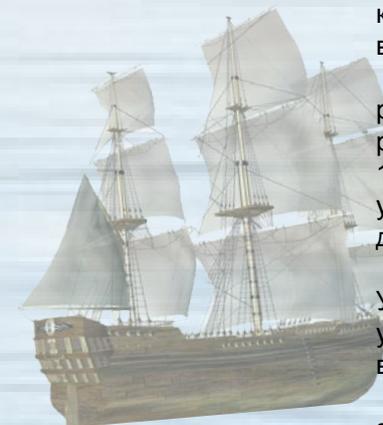
Если учесть, что через Архангельск только шведские купцы в год переправляли в Россию не менее 5 тонн монетного серебра, а ведь активную торговлю вели также датчане, ганзейские купцы, англичане, голландцы, то масштабы «серебряного потока», который шел через Архангельск, были поистине впечатляющими и оценивались в десятки тонн благородного металла.

В начале XVIII века Архангельск являлся самым крупным по товарообороту городом России. Государственный бюджет России в тот период составлял около 8 миллионов рублей в год, а ежегодный товарооборот в Архангельске оценивался в 3 миллиона рублей. Северная война между Россией и Швецией

началась в 1700 году с позорнейшего разгрома русских войск под Нарвой. Петр I, узнав о приближении шведов, бежал ещё до начала сражения, войско было разбито и большей частью пленено, противнику достались все орудия и почти всё личное оружие.

Вновь формируемые полки нечем было вооружать. И тогда через Архангельск в Россию буквально хлынул поток западноевропейского оружия.

Только в первые десять лет Северной войны (1701 – 1710 г.г.) через Архангельск поступило из Европы до 115.000 единиц огнестрельного оружия («амстердамских» ружей и пистолетов) и более 200.000 клинков. Русская армия в начальный период войны более чем на 80% была обеспечена поступившим через Архангельск западноевропейским вооружением.

www.SAGEN.at

Далёкий северный город превратился в крупнейший транспортный узел, который приобрёл военно-стратегическое значение, от Архангельска стал фактически зависеть исход Северной войны со Швецией.

О масштабах торговых операций свидетельствует такой факт: до 1700 года в устье Северной Двины входило до 50 иностранных судов в год, в 1701 – 107, в 1702 – 154 судна.

30 марта 1701 года шведский король Карл XII подписал указ, где поставил перед

своими моряками задачу организовать экспедицию вокруг Скандинавского полуострова в Белое море и уничтожить Архангельск. К этому времени союзник России - Дания вышла из войны, и шведы, не связанные датским флотом, имели абсолютное превосходство над русскими на море. При желании они могли послать в Белое море десятки тяжелых кораблей – линкоров и фрегатов с десантом, которые не оставили бы от Архангельска даже обгоревших бревен. Шведы решили не тратить лишних усилий.

Они отправили в Белое море эскадру, в состав которой входило 3 фрегата: «Варберг» (42 пушки), «Эльфсборг» (40 пушек), «Марстранд» (26 пушек) и 4 вспомогательных парусника: шнява «Мьехунден» (6 пушек), галиот «Фалькен» (5 пушек), груженный бомбами флейт «Сулен» (4 пушки), галиот «Тева-литет» (4 пушки). На кораблях находилось 828 человек (в том числе 700 десантников). Командовал эскадрой командор Карл Хенрик Лёве.

ДАВАЙТЕ ОЦЕНИМ СИЛЫ ПРОТИВОБОРСТВУЮЩИХ СТОРОН.

Основным критерием боевых судов той поры являлось количество и величина размещаемых на них пушек. Самыми мощными в тот период были, конечно, линейные корабли. Линкоры шведский король на Двину не послал, справедливо полагая, что они вряд ли смогут обойти многочисленные мели и не сумеют подняться вверх по реке к Архангельску.

В зависимости от размеров и количества пушек военные корабли в тот период подразделялись на ранги.

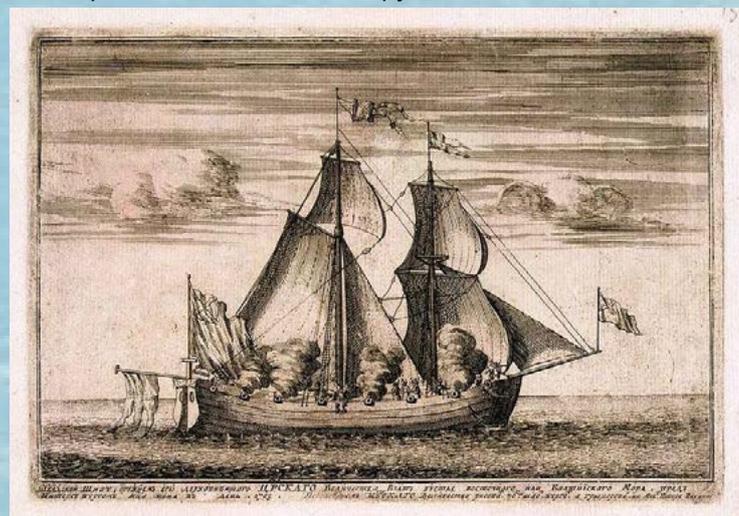
Военными кораблями 5 ранга считались фрегаты и корветы.

Фрегат имел следующие размеры: 25-35 метров длины, 7-10 метров ширины, осадку 3-4 метра, вооружение – 3, 6, 9-фунтовые пушки. Общее количество орудий – от 26 до 40 стволов. Иногда на фрегатах устанавливалось несколько орудий среднего калибра.

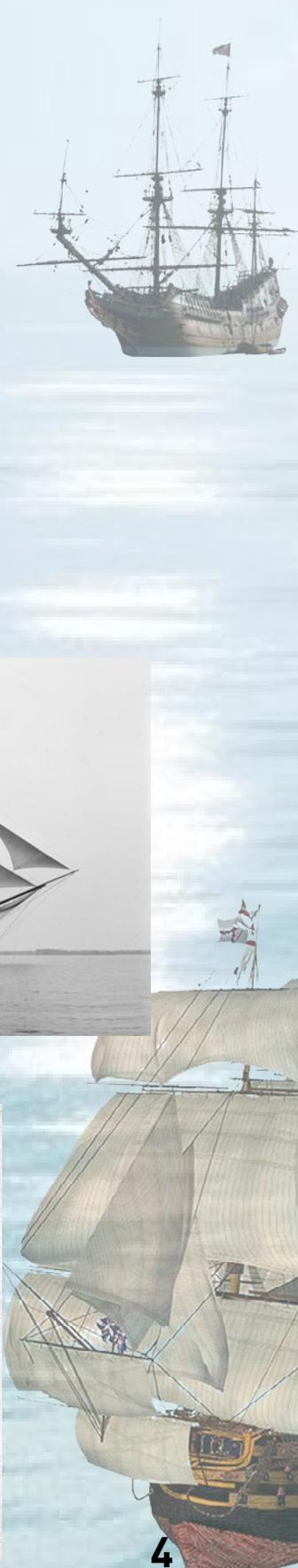
Корветы были несколько слабее фрегатов. Размеры корвета - 20-25метров в длину, 5-7 метров в ширину, 6-8 - в высоту, осадка 2,5-3 метра, 18-26 пушек калибра 3-6 фунтов.

6-й ранг кораблей военно-морского флота включал множество типов судов – шнявы, бригантины, яхты, шхуны, галиоты, флейты, пинки, гукоры, люгтеры, шмаки, барки. Они имели на вооружении от 4 до 20 малокалиберных пушек. Малокалиберные трехфунтовые пушки стреляли ядрами размером с небольшое яблоко – много ли таким ядром можно было причинить вреда тяжелому кораблю или береговому укреплению? Поэтому их использовали преимущественно как посыльные и разведывательные суда.

У шведов в Поморье была послана эскадра, главной ударной силой которой были фрегаты. Тяжелый «Варберг» (42 пушки)

Шведское военное судно 6 ранга.

по своим характеристикам был близок к линейному кораблю. Трех фрегатов было вполне достаточно для уничтожения города и пришедших на Двину «купцов». На рейде Архангельска должно было в тот период находиться от 30 до 50 иностранных торговых судов (напомним, что в навигацию летом-осенью 1701 года Архангельск посетило 107 иностранных судов). Ни один «купец» с его слабым оборонительным вооружением не способен был вести бой против шведских фрегатов. Стоящие на Двине «купцы» в случае шведского нападения были обречены на уничтожение. Деревянные причалы Архангельска в разгар торгового сезона завалены приготовленными к отправке товарами – дёготь, тюлений жир (ворвань), пенька – все эти товары отлично горят. Лето, жара, июнь... В случае обстрела деревянный город, его причалы и забитые товарами склады превратятся в море огня!

Очевидно, что силы шведской эскадры вполне достаточны для выполнения поставленной перед нею задачи. Сжечь Архангельск и стоящие на рейде корабли, уничтожить склады и причалы, прервать поставки оружия в Россию было первоочередной задачей эскадры. Таким образом, нападение на Архангельск приобретало по сути стратегический характер.

Воевода Прозоровский имел в своем распоряжении около 2400 солдат и стрельцов и 100 преимущественно старых чугунных и бронзовых пушек. В начале Северной войны шведы в силу замечательной выучки имели абсолютное превосходство над русскими солдатами и стрельцами. Свои основные победы они уверенно одерживали при численном превосходстве русских войск в 4-5 раз. Гарнизон Архангельска был разделён на несколько отрядов, каждый из которых не превышал нескольких сотен человек. Поэтому в случае высадки шведского десанта разгром русских был бы неизбежен.

Новодвинской крепости, о которой так много принято говорить, на момент прихода шведов просто не существовало.

Местом для строительства Новодвинской крепости был избран остров Линский на Березовском устье. Руководить строительством прислали из Москвы инженера Ягана Адлера. Он представил в Москву чертеж будущей крепости, но чертеж был признан неудовлетворительным, и Адлера отстранили от работы. В марте 1701 года в Архангельск был прислан другой инженер – Егор Резен (возможно, Георг Резен), который подготовил новые чертежи крепости. В апреле приступили к расчистке территории будущей крепости.

Закладка Новодвинской крепости состоялась 12 июня 1701 года, а через 12 дней (!!!) напротив места закладки уже появились шведские корабли. Что можно в срочном порядке построить за 12 дней при существующем уровне развития техники? Успели оборудовать позиции для наспех подобранных преимущественно старых разнокалиберных бронзовых и чугунных пушек. Частично отсыпать земляной вал и местами укрепить его деревянными срубами. То есть удалось создать некое подобие временного недостроенного редута. Командование в строящейся крепости осуществляли стольник Сильвестр Петрович Иевлев, стрелецкий полковник Григорий Животовский и инженер Егор Резен. Гарнизон – около тысячи солдат и стрельцов Холмогорского гайдуцкого полка, работные люди, 30 разнокалиберных пушек, размещенные в 4-х местах (батарея, расположенная на месте закладки Флажного бастиона – 10 пушек, 15 пушек – на острове Марковом, отдельно расположены две небольшие батареи, вооруженные соответственно 2 и 3 пушками). А шведская эскадра имела 128 морских пушек против наших 30 и 700 десантников. Так что считайте сами, что могло быть, учитывая абсолютное на тот период превосходство шведов в рукопашном бою, в случае десантирования противника в районе строительства.

Мы пока не касаемся самого боевого столкновения, а говорим только о расставовке сил.

ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО НА ДВИНЕ В ИЮНЕ 1701 ГОДА?

22 июня в горле Белого моря шедшая под английскими флагами на разгром Архангельска шведская эскадра захватила монастырскую промысловую лодью, с которой был снят кормщик (лоцман) Иван Седунов (прозвище – Рябов, Ряб). Сразу же возникает вопрос: почему монастырская лодья оказалась в это время в горле Белого моря? Ведь мурманский промысел был еще в самом разгаре, Седунов должен был оставаться на Мурманской страде ещё до сентября-октября.

Далее события развиваются стремительно. У входа в Северную Двину шведы хитростью захватили поднявшийся к ним на борт военный караул капитана Крыкова. «За 3 часа до ночи пришли к Двинскому Березовскому устью, и караул, обретающийся тогда на том устье, состоящий в 15 человек с одним офицером, взяли и побили, и так Березовское устье прошли» («Журнал или поденная записка блаженныя и вседостойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштадского мира», СПб., 1770., Ч. 1. С.25-26). Они надеялись добыть вместе с «языками» лоцмана, однако лоцмана в составе караула не оказалось.

Тогда шведы решили разделить свои силы.

Четыре боевых корабля (в том числе все три фрегата и груженная бомбами для уничтожения Архангельска «Сулен») остаются у острова Мудьюг, а два галиота и шнява «с отборным экипажем» общей численностью 120 человек устремляются вверх по реке по Березовскому устью. Командует отрядом Карл Ханс Бахтмейстер. Шведы ведут промеры глубин, исследуя путь для прохода фрегатов. Иван Седунов на шняве «Мьёхунден» показывает дорогу, толмач Дмитрий Попов переводит.

Очевидно, что шведы очень торопятся: 22 июня вражеские корабли еще далеко на севере, в горле Белого моря, а через три дня – в ночь с 24 на 25 июня - уже подбираются к строящейся Новодвинской крепости.

Такая поспешность допустима только в одном случае: шведский командор опасался, что о подходе эскадры будет предупрежден гарнизон Архангельска, и нужно было опередить гонцов. Кто в открытом море мог опередить корабли врага и предупредить своих? Только поморы-промысловики, которые обнаружили приближение шведов.

А вот выводы из всех этих нестыковок получаются довольно интересные: и на промысел Седунов пошел не ко времени, и шведам «подвернулся» нехстати...

Информация российских и шведских источников различается. В отечественных источниках говорится, что шведы насильно захватили двух рыбаков, крестьян Николо-Корельского монастыря и после пыток заставили их вести корабли к Архангельску. В шведских документах говорится, что два русских рыбака сами предложили свои услуги и были приняты на борт шведского корабля, но эти рыбаки коварно направили суда прямо на песчаную мель. За это оба лоцмана были избиты возмущенным экипажем, один был убит, а другой сумел бежать.

КАК ЖЕ ВСЁ БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ?

Своевременно сработала российская разведывательная сеть на западе. Дважды: 8 и 12 июня 1701 года Петр I шлет из Москвы архангельскому воеводе Алексею Петровичу Прозоровскому письма с извещением о готовности шведской военной экспедиции к нападению на Архангельск.

Затем капитаны голландских судов приносят известие о том, что по пути к Архангельску они встретили отряд шведских кораблей.

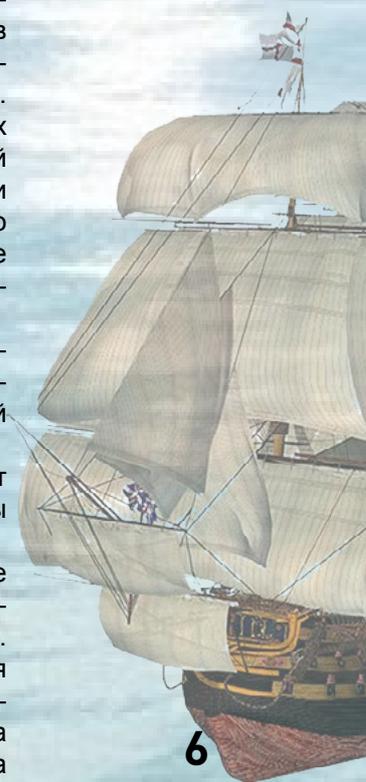
В исторических исследованиях постоянно встречаются нападки на воеводу Прозоровского, который был трусоват, и за несколько часов до сражения оставил Новодвинскую крепость. У некоторых авторов даже появляется утверждение, что он убежал чуть ли не в Холмогоры. На самом же деле воевода выехал из Архангельска навстречу приближающемуся врагу и вместе с крупным отрядом, вооруженным пушками, ожидал приближения шведов у Никольского устья вблизи острова Ягры.

Стрелецкие дозоры, охранявшие Пудожемское и Мурманское устья, были размещены на островах и усилены двумя сотнями солдат при двадцати пушках. Однако все усиленные боевые группы так и не приняли участие в сражении. Шведы на кораблях, войдя в запутанный лабиринт двинской дельты, не подозревая о дозорах, обошли их по извилистым двинским рукавам и светлой северной ночью тихо и беспрепятственно проследовали до строящейся Новодвинской крепости, где и развернулось сражение. Обвинять воеводу Прозоровского в трусости (как это показано в фильме «Россия молодая») мы не имеем права. Скорее его можно было обвинить в отсутствии стратегического мышления. Распылив силы обороняющихся в нескольких местах - три отряда на островах, по одному в Новодвинской крепости, в Архангельске, Холмогорах - он, по существу, обрекал их на верное поражение, предоставляя шведам возможность уничтожить русские силы по частям. Даже наличие укреплений строящейся Новодвинской крепости не являлось для русских залогом победы. Если бы шведские корабли не разделились у Мудьюга, а вступили в бой в составе всей эскадры, то нельзя исключить, что шведы смогли бы подавить батареи недостроенной крепости, овладеть ею и двинуться дальше к Архангельску. Напомним, что крепость была заложена только за 12 дней до описываемых событий и по существу еще не являлась полноценным оборонительным сооружением (окончательно её достроили только через 24 года).

Легко представить себе, что могло бы случиться, если бы шведская эскадра на рассвете 25 июня встала на Двине против деревянного города: многочасовой непрерывный обстрел из всех орудий, горящие дома, пылающие торговые и промысловые суда, грабящий церквы и лавки купцов шведский десант...

Попался бы врагам не Иван Седунов, а более слабый духом человек – и остались бы от Архангельска головешки, сгорела бы Соломбальская верфь и строящиеся на ней фрегаты не ушли бы на Балтику.

Седунов и Попов направили галиот и шняву на отмель, превратив их в неподвижные мишени под огнем русских орудий – и судьба сражения была predetermined! Две трети ударной группировки шведов еще до начала сражения оказались выведены из строя. Если бы против Новодвинской крепости стояла вся шведская эскадра, то с оставшихся не пострадавшими пятью кораблями был бы высажен десант и предпринят штурм недостроенных и слабо подготовленных к обороне укреплений. Ведь Новодвинская крепость на тот момент представляла собой просто недостроенный земляной редут. После захвата

береговых батарей дожидаться прилива и сдернуть с мели попавшие в ловушку корабли не представляло большого труда, а далее – всего 15 верст до Архангельска...

А в реальной ситуации единственному не потерявшему ход галиоту оставалось в течение многочасового боя только прикрывать отход эвакуируемых экипажей.

Невольно возникает вопрос: кто и каким образом сумел убедить возглавлявшего шведскую экспедицию командора Лёве принять такое решение – разделить эскадру и ослабить ударную группировку? Ведь, по существу, он повторил «маневр» воеводы Прозоровского, который так же бездарно распылил силы русских.

Анализируя развитие событий от выхода Седунова-Рябова на промысел до Новодвинского сражения, невольно создается впечатление, что многие обстоятельства остаются для нас неизвестными. Всё было намного сложнее.

Обратимся к истории. В 1637 году произошло упразднение Соловецко-Сумского воеводства. Игумен Соловецкого монастыря стал совмещать духовную и военную власть, превратившись в мирное время в «северного воеводу» - факт в русской истории редчайший. Выполняя военно-оборонительные функции, северные монастыри систематически вели разведку вблизи северо-западных рубежей России. Во время промысла на Мурманской страде, на Груманте поморы встречали иностранные суда, в том числе и военные, о чем информировали монастырское начальство. Со временем данная деятельность стала приобретать для монастырей своеобразные черты экономической разведки. Информированность о военных приготовлениях соседей, о пиратах, о подозрительных кораблях позволяла избегать захвата промысловых судов и разграбления становищ. Предупрежден – значит, вооружен. Вот почему оказалась в горле Белого моря в разгар промысла монастырская лодья: она спешила известить о появлении неприятеля. Но при этом непонятно, кто так «удачно» подставил шведам одновременно и переводчика и лощмана. Создается впечатление, что это была заранее подготовленная акция, спланированная и осуществленная своеобразной монастырской «службой безопасности».

Почему же эта незаурядная операция не получила должной исторической оценки? Причина – сложные отношения между военными и монастырскими властями. Военные едва не пропустили шведов к Архангельску, поэтому они скрыли роль истинных героев, решивших судьбу сражения, а Ивана Седунова даже заключили под стражу.

Святые отцы не могли открыто заявить о своей роли в происшедших событиях, так как после знаменитейшего Соловецкого восстания (1668 – 1676) официальные власти еще длительное время относились к северным монастырям настороженно. Как можно было доложить Петру I о том, что церковное руководство самостоятельно ведет разведку в приграничных районах? Вспыльчивый, крайне подозрительный и скорый на расправу царь легко мог заподозрить измену и обвинить их в попытке связаться с врагами. Обращает на себя внимание такой общеизвестный факт, когда Петр I на следующий год (летом 1702 года) вновь посетил Соловки, его сопровождало в этой поездке 4000 солдат Семеновского и Преображенского полков, которые приплыли по Двине на 90 стругах. Царь очень сильно обидел монастыри, приказав изъять часть колоколов для переплавки на пушки, и побаивался показаться на Соловках без мощной охраны, не доверяя монахам.

Таким образом, военным в ходе Новодвинского сражения нечем было похвастаться, а монахам – нельзя было рассказать всю правду. Так и исказилась победная реляция, изменились акценты, превратились Седунов в Рябова, а Попов в Борисова.

По шведским данным доставшиеся русским после боя шнява «Мъехунден» имела на вооружении 6 пушек, галиот «Фалькен» - 5 пушек, а по русским реляциям захвачено на них 13 пушек. Очевидно, что «отборный экипаж» был довооружён в ходе операции дополнительно малокалиберными орудиями.

Подвергать свои фрегаты риску шведский командор не стал и послал вверх по Двине 3 малых вспомогательных судна (общая численность экипажей и десантных партий - 120 человек). Два из них в районе строящейся Новодвинской крепости были посажены на мель.

Находившийся в крепости «штабной офицер Животновский» посадил в лодки около 700 человек солдат и попытался захватить севшие на мель суда, но был остановлен оружейным и артиллерийским огнем и вынужден был отказаться от абордажа.

После перестрелки шведы отказались от попыток снять застрявшие на мели вспомогательные суда и, эвакуировав их экипажи, под прикрытием оставшегося на плаву галиота, вернулись к стоящим у Мудьюга фрегатам.

Таким образом, уважаемые читатели, Новодвинского сражения со шведской эскадрой не было. По существу, жаркое «сражение» выдуманно от начала до конца составителями победной реляции во главе с воеводой Прозоровским.

По официальному отчету перестрелка гарнизона строящейся Новодвинской крепости со шведской эскадрой продолжалась 13 часов. Получается, что русские батареи планомерно в течение длительного времени с расстояния в 500 метров расстреливали застрявшие на отмели неподвижные цели. А теперь – самое удивительное в этой истории! Бросив сидящие на мели шняву «Мъехунден» и галиот «Фалькен», шведы отступили – это неоспоримый факт.

Однако далеко не все знают, что потери шведской стороны в ходе тринадцатичасового «сражения» - один убитый и двое раненых. Такое чудо может произойти изредка на суше, где пехота может закопаться в землю и избежать потерь, но на ровной глади Северной Двины в белую ночь, потери шведов должны были быть намного больше. Вывод неутешителен: русские артиллеристы плохо умели стрелять, пушки никуда не годились, а «славная виктория» у Новодвинской крепости - не более чем легенда, довольно убедительно изображенная в фильме «Россия молодая». Один убитый вражеский моряк и двое раненых – это не сражение, это даже не бой, а, скорее, не очень эффективная перестрелка с разведывательной группой.

Факты – вещь объективная, нужно только иметь мужество их правильно оценивать...

Сами собой напрашиваются выводы.

1. На Северной Двине против строящейся Новодвинской крепости появились не тяжелые шведские корабли, а только небольшой отряд вспомогательных посыльных и разведывательных судов. А много ли нам приходилось слышать о крупных сражениях с немногочисленными маломерными судами?

2. Как не было на Двине грозной шведской эскадры, так не было и Новодвинской крепости, которая ещё только строилась.

В «Сказке боярского сына Ивана Стафурова архиепископу Холмогорскому и Важскому Афанасию о ходе постройки Новодвинской крепости» от 13 июля 1701 года говорится: «А тому строению великая остановка учинилась от того ратнего военного дела, потому что городки и шанцы делали, и туры плели, и землю насыпали... и во время бою с неприятелем у пушек стояли они же, работники». (Архангельский Север в документах истории с древнейших времен до 1917 года. Хрестоматия. Под редакцией А.А. Куратова. Архангельск, 2004) Если у пушек во время боя стояли «работники», то становится понятно, почему так неточно стреляла русская артиллерия.

3. Хочется привлечь внимание читателя к некоторым датам. В приходно-расходных книгах Николо-Корельского монастыря была обнаружена следующая запись. «Мая первый день 1701 года кормщик Иван Ряб пошел на Мурманский промысел». Первого мая на промысел – но ведь этого не может быть! По старому стилю 1 мая, по новому – 20-е числа апреля, а в апреле Двина забита льдом и в Белое море выйти нельзя.

**Архиепископ Афанасий Холмогорский
(1641 – 1702)**

**Художник Иван Погорельский.
Архангельский музей
изобразительных искусств.**

Ожидая нападение шведов, Петр запретил выходить в море промысловым судам, чтобы неприятель не мог захватить опытных лоцманов, знающих фарватер Северной Двины. Возможно, что дата 1 мая была внесена позднее в монастырские записи специально, чтобы показать, что Иван Ряб не нарушал царского указа, так как вышел на промысел раньше, до отправки царского указа на север и, следовательно, не мог знать о запрете на выход в море.

Через полтора месяца - 12 июня 1701 года состоялась закладка Новодвинской крепости. Белой ночью 24 июня 1701 года лоцман Иван Седунов выбросил шведские корабли на отмель под пушки строящейся Новодвинской крепости.

Но ведь кормщик ушел на промысел до того, как была заложена крепость на острове Линский, и не мог знать о том, что именно здесь шведов будет ожидать вооруженный отпор. Серьезная неувязка.

Он не мог вести шведские корабли под пушки крепости, которой не существовало на момент его отправки на промысел. Или, может быть, все-таки Иван Седунов знал намного больше, чем это было дозволено знать простому поморскому кормщику?

Возможно, Седунов был особо доверенным человеком архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия? По своему статусу он являлся крестьянином Николо-Корельского монастыря, а северные монастыри исправно поставляли информацию архиепископу в Холмогоры о событиях, происходящих на территории Поморья. А именно Николо-Корельский монастырь непосредственно подчинялся архиепископу Афанасию.

Известно, что «народная» разведка архиепископа Афанасия работала весьма эффективно. В архивах Спасо-Преображенского собора сохранились «допросы» (отчеты) агентов архиепископа Афанасия, которые доносили о положении в шведской столице и приграничных городах, о военных приготовлениях шведов, например «допросы крестьянина Сенки Зотикова», «допросы Кольской Воскресенской церкви священника Иуды». Зимой 1700 года архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий с помощью «ведущих людей»

подготовил труд «О трех путях в Свейскую землю». Это является ещё одним, на этот раз не косвенным, а прямым доказательством того, что архиепископ Афанасий в тот период возглавлял контрразведывательную сеть на территории Поморья. Так уж повелось, что на севере Церковь взяла на себя не только функции просвещения населения, но и защиты его от врага. Первоначально функции обороны Поморья возлагались на руководство Соловецкого монастыря. В приграничных районах была создана разветвленная агентурная сеть, в которую входили местные жители, священники приграничных церквей, поморы-промышленники. О всех подозрительных или враждебных действиях сопредельной стороны они исправно докладывали руководству Соловецкого монастыря. Во второй половине XVII века знаменитое «Соловецкое сидение» закончилось физическим уничтожением монахов Соловецкого монастыря. После жестокой расправы, учинённой царскими войсками, временно опустевший монастырь заселили монахи, приехавшие из других мест, то есть отработанная десятилетиями система приграничной церковной контрразведывательной деятельности была нарушена. Полевые агенты на местах продолжали свою работу, а вот координационный центр на Соловках перестал существовать. И тогда информационные потоки переключил на себя архиепископ Холмогорский и Важский. В начале XVIII века центром российской контрразведывательной деятельности на севере России стали Холмогоры. Очевидно, что именно архиепископ Афанасий разработал план операции, подготовил, благословил и послал Ивана Седунова (Рябова) на подвиг.

16 июня 1701 года Петр I отправляет архиепископу Афанасию грамоту, которая давала ему практически исключительные права в деле организации обороны Поморья (грамота опоздала и пришла в Холмогоры уже после нападения шведов).

Известно, что чудом избежавший гибели Иван Седунов был воеводой Прозоровским обвинен в измене и заключен под стражу. По существующей версии томящегося в застенках героя-помора якобы оправдал лично Петр I во время своего приезда в Архангельск в 1702 году на основании ходатайства со стороны архиепископа Афанасия.

Таким образом, может быть, «Новодвинское сражение» войдет в историю Поморья не как боевое столкновение со шведами, а как блестящая операция местной разведывательной сети.

Косвенные подтверждения этому можно найти в документах того времени. В частности «Список расспросных речей жителя Мудьюжской волости Двинского уезда И.Е. Седунова о его пребывании в плену у шведов» от 27 июня 1701 года содержит очень много важнейшей информации, которая самым непосредственным образом подтверждает это.

После того, как Иван Седунов бежал со шведского корабля, он добрался до берега и командованию Новодвинской крепости сообщил важную информацию – шведская эскадра состоит из 7 кораблей, десантная партия – около 600 ратных людей, цель - Архангельск.

Когда по приказу воеводы Прозоровского за ним послали подъячего Григория Истомина и тот отвозил Седунова в Архангельск в Приказную палату, то в пути следования Истомин под запись подробно опросил Седунова и тот полностью подтвердил данную информацию.

А затем происходит странное и необъяснимое. Доставленный к Прозоровскому Седунов отказывается давать воеводе показания. «И как де он, Гришка, того выходца Ивашка к Архангельскому городу привез, и в Приказной полате боярину и воеводе князю Алексею Петровичю объявил, и перед ним де боярином и воеводою он, Ивашко, о тамошних воровских ведомостех и про неприятельские вымыслы был спрошван. И тогда де он, Ивашко, тех вышеупомянутых слов, что ему, подъячему, дорогою сказывал, в роспросе своем ничего не объявил и утаил...».

Данный поступок можно объяснить тем, что Седунов ожидал доставки к архиепископу Афанасию, а князь-воевода Прозоровский был «из другого ведомства» и не пользовался у архиепископа и его подчиненных доверием, а возможно существовал и прямой запрет на контакты с воеводой. (Это то же самое, если бы офицера ГРУ стали допрашивать следователи МВД по характеру проведенной им тайной операции до того, как он успел доложить о ней своему начальству и получить разрешение на раскрытие части информации).

Можно предположить, что в паре поморских разведчиков («подсылов») толмач Митка Борисов мог быть главным. Обратите внимания: «Митка Борисов» - это Дмитрий Борисович Попов, то есть его именуют по отчеству – «Борисов» - Дмитрий Борисович, а вот кормщика так не величают, называя в документах Ивашкой Седуновым. Фамилия Попов указывает на более высокое происхождение – из рода священнослужителей.

О том, что Дмитрий Попов был поморским разведчиком («подсылком») свидетельствует тот факт, что, даже находясь в плену, под караулом, он довольно точно определил общее количество находящихся на шведских судах «ратных людей». Сами шведы ему это рассказать не могли, это совсем не входило в их планы. Сидя под караулом на одном из семи кораблей, пересчитать в открытом море находящихся на других судах эскадры ратных людей довольно сложно. Для того, чтобы оценить силы противника, нужно было иметь некоторые специальные знания, позволяющие определить класс кораблей, их гру-

зоподъемность, вооружение, примерную численность экипажей и десантных партий.

О том, что эти сведения были добыты именно Дмитрием Поповым, свидетельствуют записи из «Списка расспросных речей...». «Толмач Митка Борисов, который убит на той фрегате, говорил с иноземцы на немецком языке, и ему, Ивашку, сказывал по руски, что де пришло тех свейских военных семь кораблей, на них ратных людей с шесть сот человек, в том числе англичан болши половины. А их, де, свиян, позвали идти на Архангельский город англичане. К тому же ждут они к себе в помощь свейских же воинских двадцати караблей с ратными людьми и с воинскими припасы».

Как жаль, что наши сценаристы мало интересуются отечественной историей. Какой прекрасный сюжет для исторического фильма пропадает! Если внимательно вчитаться в «Список расспросных речей...», то становится очевидным, что на палубе шведского корабля завязалась сложная интрига, достойная отдельного описания.

С одной стороны русский разведчик-диверсант - «простота поморская» - «бобылек» Ивашко Седунов, а с другой стороны шведские разведчики, готовившие коварную международную политическую провокацию. Сразу же после захвата Седунова шведы начинают убеждать его в том, что десантные партии более чем на половину состоят из англичан, что русские и англичане – друзья, что это англичане позвали шведов идти войной на Архангельск, но в самом Архангельске они нападут только на голландские корабли. «...И слышал де он, Ивашко (Иван Седунов), на воровском корабле, на котором ево до устья везли в полону, от иноземцов, служивых людей, от салдат, что говорили ему, Ивашку, они, иноземные салдаты многажды, что де на Архангел иглиш грот, или аглинских караблей много, иглиш или англичане добры, и рушман или русские люди добры же. Их де не замам (т.е. не трогаем), а галан или галанские (голландцы), ни добры, и учнем де их руш, а сами указывают руками на шеи, да де всех высечем. А нас де, свиян (свеи – шведы), подозвали войною итить на Архангел анличане...».

Из «Списка расспросных речей...» следует, что в течение трех суток после захвата шведы разыгрывали перед Седуновым комедию, доказывая, что они англичане, которые любят русских и идут на Архангельск громить голландских купцов. Делалось это с основной целью – нужно было убедить «рушман Ивана», что самому Архангельску ничего не грозит и можно безбоязно провести эскадру к столице Поморья, русским «англичане» ничего не сделают.

Их тайная цель заключалась в том, чтобы русский лоцман в ходе операции остался жив и после проводки кораблей эскадры сумел рассказать властям о том, что это именно англичане организовали нападение на город и стоящие на Северной Двине корабли.

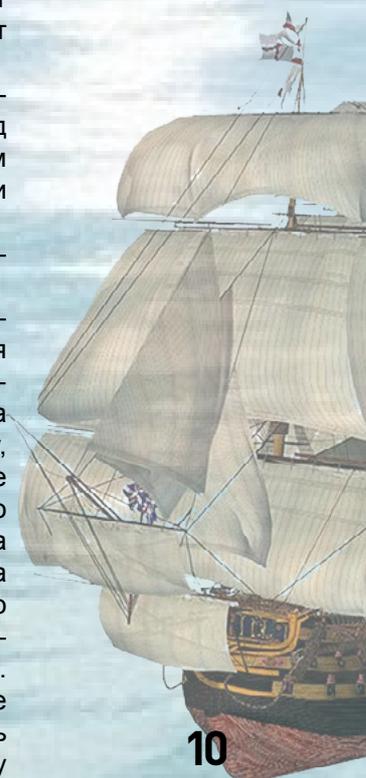
Чтобы запустить дезинформацию и посеять взаимные подозрения между русскими, англичанами и голландцами нужно было, чтобы лоцман сумел добраться до своих и передал содержание разговоров, которые велись в его присутствии на борту шведских кораблей. Не надеясь на умственные способности помора (видно, Иван очень убедительно изображал скудоумие) комедию повторяли раз за разом: «...говорили ему, Ивашку, они, иноземные салдаты многажды...».

Возможно, что именно поэтому Ивана Седунова оставили в живых, ему позволили убежать даже после того, как он нанес шведам непоправимый ущерб, направив их корабли на мель, хотя для большей убедительности и имитировали попытку убить. А вот Дмитрия Попова шведы оценили по достоинству и не собирались выпускать. Может быть, и погиб он потому, что шведы заподозрили в нем русского разведчика.

Интересная ситуация – шведские разведчики весьма искусно и целенаправленно обрабатывали «толмача Митка» и «рушман Ивана», а русские разведчики валялись перед врагами Ваньку, изображал темных и жадных рыбаков, которые всему верили и со всем соглашались. При этом они успели весьма точно оценить силы противника и вывести их разведывательный отряд прямо под пушки русских батарей.

Опасная игра закончилась только тогда, когда шведские шнява «Мьехунден» и галиот «Фалькен» один за другим налетели на двинскую отмель.

Анализируя историю сражений XVIII века, мы постепенно пришли к выводу, что возможно русские артиллеристы стреляли не так уж и плохо. Просто артиллерия в то время была очень несовершенная. Трехфунтовая пушка стреляла ядром размером с небольшое яблоко. Дальность горизонтальной стрельбы трехфунтовых пушек не превышала 100 сажень (213 метров), шестифунтовая мортира (калибр 107 мм.) посылала гранату, содержащую 130 граммов взрывчатого вещества, всего на 400 шагов, то есть наиболее скорострельные и мобильные артиллерийские установки не могли дострелить даже до середины Двины. А вот находившиеся на вооружении тяжелые крепостные мортиры (а они на берегах Двины в тот период не были ещё устанювлены) могли послать ядро на расстояние до 1800 метров, но они очень долго и сложно заряжались и из-за огромного веса их было очень непросто навести на цель и пристрелять. Иными словами, причинить вред живой силе противника можно было только случайным прямым попаданием. То, что у шведов погиб только один моряк, еще не свидетельствует о том, что русские артиллеристы плохо стреляли. Такое во время морского боя в тот период наблюдалось повсеместно. Например, во время трехчасового боя со шведской галерной эскадрой у

острова Корпо 20 мая 1743 года два русских прама – «Дикий бык» под командованием лейтенанта Петра Прончищева и «Олифант» (командир лейтенант Александр Соймонов) получили 59 пробоин. Были повреждены три орудия, при этом русские потеряли убитыми одного офицера и шесть нижних чинов армии и флота, то есть на каждые 8 попаданий шведских ядер в корпус судна приходилось одно попадание в человека.

В начале XVIII века точность огня артиллерийских систем была весьма низкой. Прицельный огонь можно было вести только на очень незначительные расстояния. По настоящему эффективным был кинжальный огонь на расстоянии пистолетного выстрела. При ведении пушечного огня на расстояние в 500 метров отклонение ядра от цели составляло около 20 метров. Перед строящейся Новодвинской крепостью на мель

сели два шведских корабля. Расстояние до русских батарей – около 500 метров. Следовательно, при правильном ведении огня, русские и шведские ядра могли ложиться на 20 метров влево, вправо, пролетать выше или зарываться в воду не долетая до цели. Площадь рассеивания при этом легко можно подсчитать по формуле. Расчеты показывают – 1 попадание в корпус «шведа» на 20-25 выстрелов. Шансы попасть в конкретного человека, стоящего на палубе шведского корабля, вообще ничтожны. Чтобы попасть в стоящего на палубе шведского капитана нужно сделать 1,5-2,5 тысячи выстрелов и сжечь все запасы пороха Новодвинской крепости, и то, не факт, что удастся поразить цель. Так что, всё изложенное правда – 13 часов грохотали на Двине пушки и убили одного шведа. Простая статистика, подтвержденная соответствующими расчетами.

Подвиг Ивана Седунова и Дмитрия Попова не только в том, что они, оказавшись в экстремальной ситуации, сумели сорвать планы противника, но, в первую очередь в том, что они вполне сознательно и целенаправленно проникли на вражеский корабль, где сумели переиграть шведских контрразведчиков.

Однако это еще не все.

На вопрос, кто такой Иван Седунов (Рябов), принято отвечать, что это наш северный Иван Сусанин. С одной стороны, это даже лестно, ведь о подвиге Ивана Сусанина, спасшего родоначальника романовской династии, написано во всех учебниках, М.И.Глинкой создана опера «Жизнь за царя» (в современной редакции «Иван Сусанин»). Получается, что не менее значимое деяние в истории России совершил и поморский кормчий, монастырский бобыль Иван Ермолаевич Седунов по прозвищу Ряб. Он спас от пожара и разграбления богатейший город России - северную столицу – Архангельск, сорвал стратегическую операцию шведов.

Да только вот какой парадокс: ещё в XIX веке многочисленные исследования довольно убедительно доказывают, что Иван Сусанин никогда не спасал царя Михаила Романова от поляков, что история о подвиге простого костромского крестьянина – не более чем пропагандистская пиар-акция романовской поры. Но имя Сусанина продолжает сохранять история и никто не спешит развеять очередной пропагандистский миф, есть музей Ивана Сусанина, санаторий его имени, памятник народному герою, туристические маршруты по сусанинским местам. Насколько всё это несправедливо! Подвиг Сусанина – миф. Подвиг поморов – реальность.

Имена Ивана Седунова и Дмитрия Попова в расспросных листах были сознательно искажены. Подвиг их еще при жизни пытались замолчать. Как часто история бывает несправедлива к участникам судьбоносных событий и настоящим героям!

Но ведь если Сусанин все-таки не настоящий герой, то Иван-то Седунов, напротив, совершил уникальный в истории нашей страны подвиг – фактически в одиночку сорвал план нападения шведов на Архангельск.

Шведы послали к Архангельску отборный отряд – 120 человек на трех небольших судах. Сил этих для нападения на столицу Севера было явно недостаточно, а вот разведать фарватер и привести к городу стоящие у входа в Двину фрегаты – вполне посильная задача. Архангельск расположен на Двине в 30 километрах от места впадения реки в Белое море. Скорость течения Северной Двины – 3,6 километра в час. Проведя разведку, вернуться к фрегатам можно было всего за несколько часов. Уже через сутки вся шведская эскадра из семи вымпелов могла подойти к городу. В конце июня прокаленный летним солнцем деревянный Архангельск быстро превратился бы в груды горящих развалин. Шведские планы уничтожения Архангельска были вполне реальны и продуманы. Но ломает их всего один человек – Иван Седунов. Он выбрасывает шведские разведывательные суда на мель, тем самым срывая запланированную операцию. Огонь батарей с острова Линник (получивший в истории громкое название «Новодвинское сражение») крайне неэффективен. В ходе тринадцатичасового сражения погибает всего один шведский матрос. Если сражения на подступах к Архангельску не было, то получается, что подвиг Ивана Седунова еще более значим, чем это принято полагать. Он в одиночку сде-

лал больше, чем многочисленный гарнизон воеводы Прозоровского. Официально считается, что он посадил вражеские суда на мель и прыгнул за борт, а остальное довершили доблестные артиллеристы Новодвинской крепости. Если учесть, что военные в ходе боя имели такие незначительные успехи, то получается, что вся честь спасения Архангельска от врага принадлежит простым поморам Николо-Корельского монастыря Ивану Ермолаевичу Седунову и Дмитрию Борисовичу Попову.

Подтверждений этому довольно много. Шведы пишут о том, что поморские рыбаки сами предложили свои услуги провести военные корабли к Архангельску, а буквально через три дня выбрасывают их на отмель. Это никак нельзя назвать случайностью.

К сожалению, в наши дни у воеводы Прозоровского неожиданно нашлись союзники, утверждающие, что никакого подвига поморы не совершали.

Когда шведские корабли вошли в речной рукав, на берегу которого шло возведение Новодвинской крепости, над ними развевались французский и голландские флаги. Командир Холмогорского гайдуцкого полка полковник Животовский вместе с караулом на карбасе вышел навстречу «гостям» для проведения досмотра, полагая, что приплыли «купцы». Шведы решили повторить операцию с захватом русского караула, которую они блестяще провели при входе в Березовское устье, без боя скрутив военный караул капитана Клыкова. Они заперли Седунова и Попова в трюме, спрятали пушки и вооруженных солдат и предложили русскому караулу подняться на корабль. Когда стрельцы начал забираться на борт шведского корабля, один из них заметил прячущихся на палубе вооруженных людей и поднял тревогу. Русские бросились в карбас и, отвалив от борта шнявы, поспешили к берегу. Шведы открыли огонь и, подняв военные флаги, бросились в погоню за карбасом, но метрах в 500 от русской батареи сели на мель. После этого, собственно говоря, и заговорили русские пушки.

Именно этот вот эпизод и послужил для некоторых современных историков основанием утверждать, что никакого подвига Иван Седунов-Рябов и Дмитрий Попов никогда не совершали!

В сборнике «Защитники Отечества» (Архангельск, 2002. С 5-12) один из авторов пишет, что «... можно констатировать тот факт, что Иван Седунов и Дмитрий Попов не могли посадить корабли шведов на мель, так как в это время находились под стражей в каюте на шняве «Мьёхунден». Командование шведских кораблей само посадило их на мель, увлекшись преследованием карбаса Животковского и не зная фарватера Северной Двины». Для неискушенного читателя данное утверждение вполне логично и убедительно.

На XI областных общественно-научных чтениях, посвященных 300-летию Новодвинского сражения, состоявшихся 31 октября 2001 года в Архангельске, этот же автор вновь озвучил своё мнение по указанному вопросу, поставив в своём выступлении подвиг Седунова и Попова под сомнение. Весьма прискорбно, что в год 300-летия Новодвинского сражения героев-поморов фактически объявили «липовыми» героями. Ученый имеет право на свою точку зрения, но он должен думать о последствиях своих заявлений. Информационные бомбы наносят глубокие раны, только они не всегда бывают видны.

В интернете на форуме «Русские морские крепости» некоторые историки-краеведы с какой-то злорадностью стали обсуждать это, как они посчитали, историческое открытие. «Надеюсь,... тема нашего Сусанина будет закрыта...» - высказался один из участников форума. Такое ощущение, что кто-то просто не мог скрыть радости от того, что будет уничтожен ещё один герой России. Как же легко некоторые ... готовы отказываться от прошлого своего народа. На что ещё они «надеются» в погоне за сенсациями? Что России не было, и побед не было!?

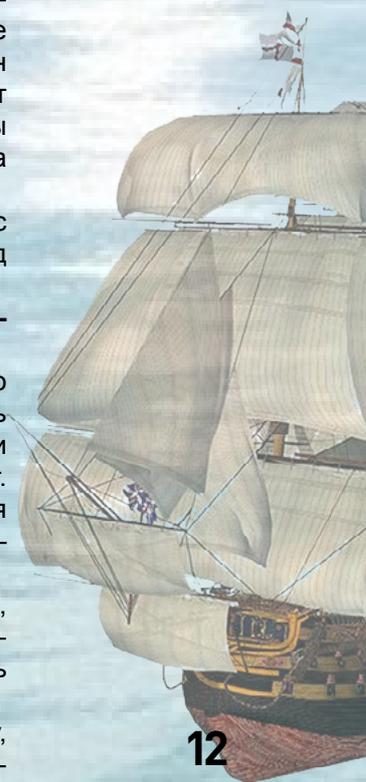
Главный их аргумент – Седунов и Попов на момент подхода к борту карбаса с русской досмотровой группой находились запертые в каюте шнявы «Мьёхунден» под охраной, и направить шведские корабли на отмель не могли.

Насколько весом и неоспорим это «убийственный» факт? Давайте проанализируем.

1. Шнява - это очень маленькое судно, это не авианосец, в недрах которого можно заблудиться. На военном корабле всё привыкли делать быстро, команды исполнять бегом. Сыграли тревогу, подняли шведский военный флаг – через минуту вытащили Седунова из каюты и поставили к штурвалу, иначе для чего брали лоцмана на борт. Что значит «сидел под караулом»? Был временно спрятан, пока русская досмотровая группа хотела подняться на борт, русские не решились подняться, отчалил карбас – «рушман Иван – быстро к рулю».

2. Шведские корабли поднимаются по Двине очень медленно, промеряя глубины, обходя мели, почти все паруса спущены, скорость против течения – около 5 километров в час. Русский карбас пошел на перехват – ещё больше сбавили ход, дожидались «гостей».

Теперь посмотрим по времени: при такой скорости (около 5 км/час) за одну минуту, пока «рушман Иван» добирался от каюты до руля, можно пройти метров 80, не бо-

лее. Шведы ещё дополнительные паруса поднимают, до мелей ещё далеко, а лоцман уже на своём месте и управляет судном.

3. Если русские лоцман и переводчик якобы мирно сидели в каюте под караулом, за что же тогда их попытались немедленно убить? Причём напали на них возмущённые шведские матросы прямо в разгар перестрелки, не дожидаясь окончания боя, когда над головой свистели ядра, и произошло это на палубе. Если «рушман Иван» ни в чём ни виноват, за что же такая скорая и жестокая расправа? Может быть, были шведы такие кровожадные? Маловероятно. Известно, что когда шведская эскадра уходила из Поморья, то они просто отпустили весь караул во главе с капитаном Крыковым, высадив стрельцов на мелководье у берега, хотя имели полное право увести их в качестве пленных в Швецию.

4. Сами шведы в отчете об экспедиции в Поморье прямо указывают, что русские лоцманы их обманули и сознательно выбросили корабли на мель перед батареями, ходя до этого сами дали согласие провести их к Архангельску.

Может быть, шведский капитан Карл Ханс Бахтмейстер в рапорте солгал, корабли посадил на мель сам, а потом списал свой промах на коварство русских лоцманов, а чтобы те ничего не рассказали, приказал их расстрелять? Однако как тогда быть со 120 свидетелями, которые участвовали в операции? Они ведь тоже давали показания и подтвердили, что корабли попали в ловушку по вине русских. Шведы и англичане были собраны в десантную партию с разных кораблей эскадры и не могли сговориться, – они не стали бы молчать и покрывать капитана Бахтмейстера, если бы тот был виновен в происшедшем. Они шли за добычей и вправе были требовать наказать виновного в потере кораблей и срыве операции.

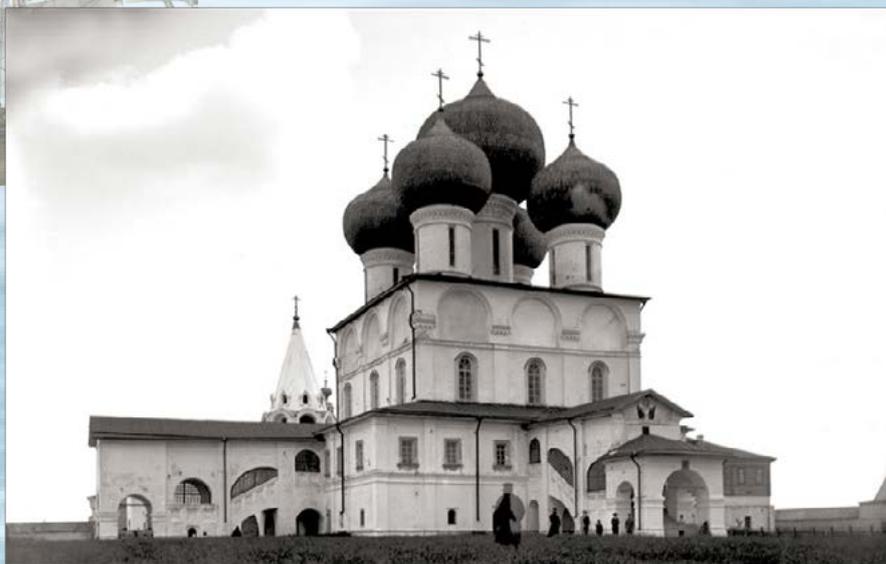
Седунов – крестьянин Николо-Корельского монастыря, а монастырь находится в подчинении архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия. После отражения шведского нападения Ивана Седунова по приказу воеводы Прозоровского заточили в темницу, а монахи Николо-Корельского монастыря возили ему в узилище еду. То есть они были абсолютно уверены в том, что Седунов не является предателем, как его пытался представить воевода. Подвиг северян-поморов повлиял на ход Северной войны и на судьбу России. Однако он так и не оценен по достоинству ни современниками, ни потомками.

Архиепископ Афанасий скорострительно скончался 17 сентября 1702 года, спустя год после событий у острова Линский, Иван Седунов в это время продолжал находиться в застенках, брошенный туда по приказу воеводы. После смерти архиепископа Ивана Седунова отправляют в Москву, где следы его навсегда теряются. Зная злобный и беспощадный нрав Петра I, который не прощал подданным даже небольших нарушений, и любил демонстративно наказывать за малейшую формальную провинность, можно утверждать,

что героя-помора запытали в застенках Преображенского приказа. Легенда о том, что его якобы щедро наградили, позволив бесплатно пить в кабаках – не более, чем поздняя байка, созданная в период мифологизации образа Петра Великого.

Формальные «вины» помора были налицо – вышел на морской промысел, нарушив строгий царский приказ, поступил на службу к шведам, привёл их на Северную Двину в обход караулов – за все эти «преступления» полагалась страшная смерть под пытками. И никто уже в тот период не мог заступиться за лучшего «подсыла» архиепископа, ибо не было уже в живых шефа поморских разведчиков.

Формальные «вины» помора были налицо – вышел на морской промысел, нарушив строгий царский приказ, поступил на службу к шведам, привёл их на Северную Двину в обход караулов – за все эти «преступления» полагалась страшная смерть под пытками. И никто уже в тот период не мог заступиться за лучшего «подсыла» архиепископа, ибо не было уже в живых шефа поморских разведчиков.

Николо-Корельский монастырь (фотография начала XX века). Северные монастыри всегда выполняли не только духовную, экономическую и просветительскую функции, но и играли важную роль в обороне Русского Севера.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Моделируя историю нападения на Поморье вражеской эскадры, мы неоднократно задавали себе вопрос – а был ли у шведов вообще хотя бы один шанс захватить Архангельск? Чем больше мы вникали в исторические реалии, тем больше убеждались – многочисленные косвенные факты свидетельствуют о том, что операция была спланирована с исключительным коварством и могла привести к успеху.

Как гласит французская поговорка «Дьявол кроется в деталях».

ДАВАЙТЕ ПРОАНАЛИЗИРУЕМ ВМЕСТЕ ИЗВЕСТНЫЕ НАМ СОБЫТИЯ.

Первое – почему отправившаяся вверх по Двине вспомогательные шведские суда несли на борту не разведчиков, замаскированных под купцов, а штурмовую группу, способную нанести внезапный удар? 120 отборных шведско-английских головорезов в открытом бою могли справиться с 400-500 стрельцами. Значит, суда шли не на разведку (вооруженная штурмовая группа на борту только выдаст их намерения), а для высадки десанта. Очевидно, что цель десанта – не избушки на окраине Архангельска, а гостиные дворы. Если не зацепиться за гостиные дворы, то столь малочисленный десант обречен на гибель.

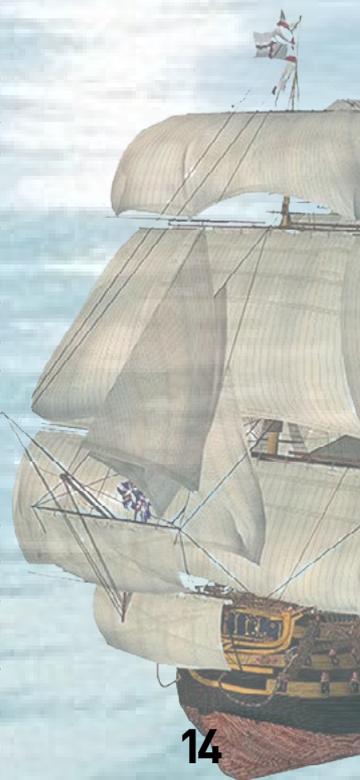
Немецкий и русский гостиные дворы Архангельска – это мощнейший оборонительный комплекс, с башнями, пушками и высокими каменными стенами, захватить который затруднительно даже многотысячной армии. Значит, шведские десантники не собирались штурмовать укрепленный комплекс, а планировали проникнуть в него хитростью. Сделать это будет не трудно – ворота немецкого гостиного двора открыты для иностранцев. В составе штурмовой группы много англичан. Если незаметно проникнуть не удастся, то караул на воротах можно взять в ножи или расстрелять из пистолетов, а внутри гостиного двора довооружиться. На Двину ежедневно приходит по несколько иностранных судов, перевозящих оружие для петровской армии, поэтому в гостиных дворах были и фузеи, и шпаги, и порох и пушки... Появление врага внутри гостиных дворов никто не ожидает.

Второе – штурмовая партия всего 120 человек, достаточно ли этих сил для захвата гостиных дворов?

В распоряжении воеводы Прозоровского было около 2400 солдат и стрельцов. Из них 1000 – в районе строящейся Новодвинской крепости, 500-600 ушло с воеводой навстречу противнику, 200 солдат отправлено на усиление дозоров. Итого на весь Архангельск не более 600 стрельцов и солдат. Стрельцы несут караульную службу круглосуточно, поэтому 150-200 человек отсыпаятся по домам после дежурства, болеют, находятся в разъездах, 100-150 патрулируют улицы, пригороды, блокирует въезды в город, дежурят у орудий на валах, охраняют солобальскую верфь. Внутри гостиных дворов, на стенах и в башнях не более 200 стрельцов, причём они не сконцентрированы, рассредоточены по периметру оборонительного комплекса у ворот и в башнях. Если внезапно начнётся резня, – им не устоять, их уничтожат по частям. Шведы внезапным ударом захватывают гостиные дворы, закрываются в них, организуют оборону и ждут подхода фрегатов.

Третье – почему в штурмовой группе так много англичан? Создаётся впечатление, что внутри гостиных дворов уже находилась английская «пятая колонна». Шведы великолепно знали Архангельск и его окрестности. Во время Великого посольства Пётр I нанимал в Европе специалистов и направлял их в Россию через Архангельск, причём, как это не странно, большинство приглашенных в 1697 году на русскую службу наёмников были шведами, и проживали они после прибытия в Архангельск в гостиных дворах.

Летом 1701 года в Архангельск пришло более 100 иностранных судов, многие из них привезли оружие и наёмников – «спецов». В условиях разгорающейся Северной войны заслать под видом купцов или наёмников диверсантов-шведов было затруднительно, а вот подрядить английских пиратов, которые под видом поступающих на русскую службу наёмников проникнут в гостиные дворы – это вполне реально. Под видом английских «купцов» вместе с настоящими купцами в Двину заходят пиратские корабли, их команды и пассажиры размещаются в немецком гостином дворе и ждут прибытия штурмовой группы. При этом не обязательно, чтобы

«пятая колонна» была многочисленной – для удара изнутри достаточно 20-30 человек. Они помогают шведско-английской штурмовой группе захватить немецкий и русский двор, занимают оборону и дожидаются прихода фрегатов. Никто ведь из русских не ожидает, что господа «негоцианты» вдруг набросятся на стрельцов, которые их охраняют и ударят в спину караулам. В этом случае успех им почти гарантирован.

Косвенным подтверждением этому предположению является тот факт, что шведская эскадра довольно долго чего-то выжидала в районе кольского побережья. Их даже успели заметить идущие на двину «купцы» и сообщить об этом в Архангельск. Шведы ждали одного – когда их тайные английские союзники сумеют дойти до столицы севера, пройти «фэйс-контроль» на таможне, провести разведку и обосноваться в гостиных дворах.

Так что очевидно, что подвиг Ивана Седунова и Дмитрия Борисова – это действительно ПОДВИГ с большой буквы.

«Надеюсь,... тема нашего Сусанина будет закрыта...» - не надейтесь, господа!

История эта чем-то напоминает сюжет русской народной сказки, когда простой мужик выполняет задание, которое не по силам ни воеводе, ни цареву войску, спасает всех, а затем ещё и виноватым оказывается. Чем не тема для былины?

На страницах российской истории золотом вписаны имена князей, царей, полководцев, политиков. Из простых крестьян в нашей истории широко известен только Иван Сусанин. Подвиг Ивана Седунова (Рябова) очень принижен и недооценён российскими историками. Ну, посадил на мель пару кораблей, а дальше уже молодцы-артиллеристы Новодвинской крепости отличились, выиграли жаркое сражение, тринадцать часов пушки грохотали. А ведь не будь Седунова, мимо таких малоопытных мазил-пушкарей с их допотопными пушками прошли бы шведы без урона, провели разведку, вернулись к Мудьюгу за фрегатами, выжгли всей эскадрой Архангельск, уничтожили недостроенные корабли на Соломбальской верфи, захватили стоящих на рейде «купцов», разогнали первостроителей крепости, пожгли поморские лоды да кочи, и тогда стратегическое поражение на Двине было бы ещё более тяжелым по масштабам, чем Нарвская конфузия.

А КАКОЕ ОТНОШЕНИЕ ЭТА ИСТОРИЯ ИМЕЕТ К ЮБИЛЕЮ МОЛотов-СКА-СЕВЕРОДВИНСКА?

Очевидно, что монастырские крестьяне Иван Седунов и Дмитрий Попов неоднократно посещали Николо-Корельский монастырь, который ныне расположен на территории города Северодвинска, молились в его храмах, встречались с монахами, пользовались доверием монастырского руководства.

Вопрос к землякам-северянам – почему до сих пор памятный знак с двумя именами: Ивана Ермолаевича Седунова (Рябова) и Дмитрия Борисовича Попова не установили в Северодвинске на территории Николо-Корельского монастыря? Есть в Северодвинске улица Ричарда Ченслера, проспект Карла Маркса, улица Ленина, но нет улицы Ивана Седунова, нашего земляка, совершившего подвиг и спасшего от разорения богатейший город государства Российского.

Про англичанина Ченслера помним, про ростовчанина Седова не забываем, симбирцу Ульянову памятники стоят, а вот почему нашим местным героям-поморам не нашлось места?

Это ведь наши с вами земляки, они ходили по этой земле, отсюда они ушли на Подвиг во имя Родины.

***Краеведческие материалы
разработаны и подготовлены
членами НКО «Будущее Поморья»
Лисниченко Н.Б. и Лисниченко В.В.***

**Приглашаем северян-краеведов (и не только северян)
к сотрудничеству, наш электронный адрес —
lisnichenko_v_n@mail.ru.**